8 историй

Автор:
Юлия Резник

8 историй

Юлия Резник

Любовь… Она окружает нас повсеместно. Кружит в пространстве, соединяет судьбы, слагает свои истории. И порой эти истории соприкасаются, приоткрывая кому-то избранному занавесу своих тайн…

Юлия Резник

8 историй

Пролог

Женский день – Восьмое марта. Для кого-то праздник, а для кого-то неплохая возможность подзаработать. Все-таки хорошо, когда твой недалекий одноклассник вдруг становится ни много ни мало владельцем службы такси. Так размышляла Вита, прикручивая шашечки на крышу своей голубой Шкоды. Она редко таксовала. В основном по праздникам, когда от клиентов не было отбоя. Петька Линьков, тот самый недалекий одноклассник, с радостью включал ее в ряды своего таксопарка. Лишние колеса в такие дни были настоящим спасением. Вообще Петька был неплохим парнем. И платил хорошо. Не жадничал. Нет, Виту, конечно, задевало иногда, что она, умница и красавица, была вынуждена работать на туповатого Линькова. Но если разобраться, то подобные мысли были проявлением обычного жлобства. А с этой чертой характера Вита активно боролась. Она вообще много с чем боролась… С

лишними сантиметрами на бедрах, с морщинами, которые поперли после тридцати, со своей язвительностью и крутым нравом. Вялотекущие бои то обострялись, то сходили на нет. Тогда Вита, махнув рукой на все, покупала любимые эклеры, ликер и, засев за слезливый романчик, коротала вечерок. А с новым днем приходило раскаяние, и начиналось новое сражение за собственное совершенство. Джудит Макнот в сумочке сменял какой-нибудь шибко умный и такой же скучный Кант, вместо эклеров в меню появлялись зеленые яблоки, а рюмка Бейлиса, как та карета из сказки, превращалась в стакан однопроцентного кефира.

Если честно, то с каждым годом борьба давалась все труднее. Крем не справлялся с тонкими морщинками, а от лишних килограмм и вовсе не было никакого спасения. Хорошо, что нынче, с какого-то перепуга, стали модными попы а-ля Ким Кардашьян. Иногда, в приступе особой сентиментальности, Вита готова была расцеловать заморскую звезду, в благодарность за такой своевременный тренд. Конечно, если признаться, до красотки Ким ей было далеко. Хотя Вита и была на целых два года младше! Ей было тридцать шесть – тот возраст, когда о принце на белом коне уже не мечтаешь, но к топоту копыт все равно прислушиваешься. Только не было его – принца. Впрочем, как и любой другой, менее титулованной особы. В ее жизни было место только для одного мужчины – шестнадцатилетнего сына Сашки. Не по годам развитого парня, который совал свой нос, куда не следует, и распугивал тем самым всех возможных кандидатов в мамины женихи. Собственно, из-за Сашки она и таксовала. Когда растишь сына одна, лишняя копейка всегда нужна. То ему компьютер приспичит поменять, то ремонт в комнате сделать. Да уж… Быстро вырос парень из обоев с человеком-пауком. В общем, деньги были нужны всегда. Особенно, когда в качестве подарка на день рождения сынок заказал новый телефон. Скажете, балует Вита парня? Ну, а как его не баловать, такое-то сокровище? Умница, а не ребенок. Юный гений, изобретатель. Призер всех возможных олимпиад, и лауреат последнего международного конкурса по физике. Кстати, на его разъезды деньжищ тоже уходило немерено. Сашкин отец в этом деле помощником не был. Нет, он был неплохим человеком, да только в новом браке родил три дочки, на которых и уходила вся его скромная зарплата. Сашке не перепадало даже алиментов. Но Вита не огорчалась. И бывшего мужа не проклинала, как это обычно принято среди разведенок.

Телефон запиликал – диспетчер скинул адрес первого заказа. Это был известный в столице ресторан. Женщина завела мотор и выехала на вызов. Несмотря на выходной день, в городе был довольно плотный трафик. Вите даже пришлось кое-где постоять. В общем, она немного задержалась. Совсем чуть-чуть… Минут

на пять-семь. Припарковалась. Осмотрелась. Время шло, а клиент, кем бы он ни был, все не выходил. Женщина вышла из машины, толкнула дверь заведения. Та легко поддалась. Зал был пуст, свет не горел. И только из глубины помещения доносилась чья-то ругань. Вита пошла на звук.

– В последний раз предупреждаю! Если я еще хоть раз увижу, что ты работаешь без шапочки и без перчаток, я тебя четвертую и поджарю вот на этом новомодном гриле, на приобретение которого я потратил всю прибыль за прошлую неделю!

– Бачо, ну, виноват…

– А вытяжка! Меня не было три дня. Во что вы превратили мою кухню? Здесь вообще убирали?! Где уборщица?!

– Бачо, не кипятись… Нина Матвеевна приболела, а Ленка на сессию укатила…

– Это не оправдание! В моей кухне должно быть чисто, как в операционной! А здесь следы на полу! Кто вошел в кухню, не переобувшись?!

– Я же говорил. Рабочие! Меняли фильтры в вытяжках. Мы не успели прибраться.

– Они что, не могли надеть бахилы?!

– В следующий раз наденут, – кивнул головой щуплый парень.

Вита с интересом наблюдала за разворачивающимся скандалом. Крепко сбитый грузин (по всей видимости, владелец ресторана) голосом с легким южным акцентом распекал, на чем свет стоит, своих проштрафившихся подчиненных. И если остальные повара и поварешки стояли, пристыжено понурив головы, то самый смелый из них отдувался за всю честную компанию.

– А это еще что за баба? – Мужчина повернулся в сторону замершей Виты и бесцеремонно ткнул в нее пальцем.

– Такси заказывали? – бойко поинтересовалась женщина. – Полчаса уже жду. Кто оплачивать простой будет?!

Здоровяк сверился с часами на широком волосатом запястье и смерил женщину тяжелым взглядом.

– Я буду. Почему не перезвонили, что подъехали?

– Вам выслано sms-оповещение, – нашлась Вита.

Мужчина вытащил из кармана новомодный телефон и проверил обновления. Слава Богу, sms-ка действительно пришла! Он кивнул в направлении выхода:

– Вам тоже не стоит пачкать мою кухню, – заметил мужчина, приближаясь к выходу.

Вита даже онемела от такой наглости! Бросила невольно взгляд на свои довольно приличные замшевые ботинки… Чистые, кстати сказать! И вышла из кухни. Мужчина следовал за ней, нетерпеливо кому-то названивая.

– Отец! Ну, слава Богу… Ты почему трубку не берешь?!

Ну, надо же, какой заботливый! Вита села в машину, завела мотор и посмотрела на пассажира, который все так же болтал, но теперь по-грузински.

– Едем куда?

– Что вы сказали?

– Едем куда?!

– На Ахматовой, тринадцать.

Всю дорогу Вита неловко молчала. Уж больно обидно ей было и за небрежное «баба», и за свою обувь. Давно она не встречала таких мерзких личностей! А ведь он даже мог ей понравиться! Большой, брутальный самец…

Женщина подкатила к обычной серой девятиэтажке, каких миллион, притормозила.

– Вот, возьмите, – мужчина протянул довольно внушительную сумму денег.

– Это слишком много, – заметила Вита, возвращая лишние, на ее взгляд, купюры.

Здоровяк оттолкнул ее руку небрежным жестом и пробурчал, уходя:

– Это за простой.

Буквально пять минут спустя, пришел новый вызов. Вита, которая все еще хмуро рассматривала свой «гонорар», встряхнулась, отгоняя от себя негатив, и покатила по указанному адресу. Это был отель, и, в противовес первому вызову, здесь ее действительно ждали. Худой невысокий мужчина. Волосы немного припорошены сединой, породистый нос… Возраст определить было трудно. Ему могло быть как пятьдесят, так и на десяток лет больше или меньше.

– Добрый вечер. С праздником, – приветливо улыбнулся мужчина. Ну, надо же, какой контраст. Первый – хам, второй – сама любезность! – Мне на Софиевскую. А перед этим в какой-нибудь цветочный, – добавил он, нервно разглаживая полы дорогого, но явно неприспособленного под местные холода пальто.

Вита открыто улыбнулась, задорно поинтересовавшись:

– На свидание?

Мужчина вскинул на нее испуганный взгляд, а потом улыбнулся и кивнул головой:

– Свидание… Запоздалое.

А потом у пассажира зазвонил телефон.

– Мама! – как-то обреченно протянул мужчина, поднося трубку к уху.

История 1. Борис и Соня

– Здравствуй, мама.

– Здравствуй, блудный сын. Не звонишь матери, а меня уже нога замучила. Все болит, и болит!

– Мама, – откашлялся мужчина и неловко взглянул на Виту, которая из-за громкости динамика телефона прекрасно слышала весь разговор. – Твоей ноге уже восемьдесят лет, чего же ты хочешь?

– Другой ноге тоже восемьдесят, но она не болит.

Борис закатил глаза, а Вита улыбнулась, наконец идентифицировав национальную принадлежность мужчины. Еврей, ну, конечно же… И настоящая еврейская мама, судя по всему.

Да… Мама в жизни любого еврейского мальчика – это особая тема. Мама Бори Меерсона – и вовсе величина. Порой ему казалось, что она занимает собой всю его жизнь. И так было всегда. С самого сопливого детства. Борис мог припомнить сотни случаев, которые были тому подтверждением. Например, когда он подрался с Изькой Розенфельдом, мама заорала в окно:

– Боренька, не бей так сильно Изю, а то вспотеешь и простудишься!

В общем, все свое детство и юность он и шага не мог ступить без маминого согласия. Ее одобрение требовалось по любому вопросу, Боря просто не имел возможности принимать самостоятельные решения. Мать окружала сына настолько сильной любовью и заботой, что эта любовь стала непреодолимой стеной между ним и всем остальным миром. Порой, у подрастающего Бориса складывалось ощущение, что его и вовсе нет. Нет собственных желаний, целей, стремлений… А если и есть, то они все равно нивелируются волей матери. Он натуральным образом задыхался от ее вездесущего контроля, но поделать ничего не мог. И так продолжалось ровно до того момента, пока он не влюбился.

Соня. Он встретил ее на Привозе. Тогда, двенадцатилетним пацаном, он и представить не мог, что эта тонкая девочка станет для него целым миром. Мать Бориса придирчиво выбирала курицу, а Соня стояла за прилавком, помогая

молодой продавщице. Только потом Боря узнал, что это была мама девочки.

– Скажите-ка мне, любезная, чем вы кормили этих курей?

– А зачем вам это? – удивилась хорошенькая женщина.

– Как это зачем?! Я тоже хочу так похудеть!

Боря сжался от стыда. Ему было жутко неловко за свою острую на язык родительницу.

– Извините, – растерялась продавщица. – Уж какие есть.

Роза, так звали мать Бориса, презрительно отвернулась и пошла прочь. А Борька еще долго не мог забыть наполненный горечью девичий взгляд.

То лето было особенно жарким, они пропадали в Аркадии целыми днями. Загоревшая дочерна ребятня прыгала с пирса в воду. И что только они при этом не вытворяли! Борька так и не понял, как там оказалась Соня. Он только увидел, как дурачащиеся мальчишки столкнули девочку в море. Боря подбежал к краю пирса и посмотрел вниз. Она неумело барахталась в воде. Мальчик не сразу понял, что Соня попросту не умеет плавать! Ну, ей богу, кому придет в голову, что с одесситкой может случиться такая оказия? Он прыгнул в воду, не раздумывая. Схватил девочку за руку и потянул к пирсу. Тут уж оживились взрослые и помогли достать щуплому Борьке несостоявшуюся утопленницу. Она даже испугаться толком не успела. Села прямо на бетон, растерянно хлопая глазами.

– Ты что, живешь у моря, а плавать не научилась?! – справедливо возмутился Борис.

– Мой дядя Вова живет в Борисполе. Но я что-то не припоминаю, чтобы он научился летать! – саркастически парировала Соня. А потом вдруг сменила гнев на милость и улыбнулась. – Спасибо тебе.

А он ничего не мог сказать. Залип на ее улыбке с отсутствующими верхними клыками. И на сверкающих, как море, глазах.

Тогда-то он и влюбился. И погрузился в это чувство со всем своим мальчишеским энтузиазмом. Вот только маме Бориса такая подруга не пришлась по душе. Девочка была из небогатой семьи. Мать – торгашка. Отца вообще неизвестно где носило. Не в тюрьме ли? Опять же, не коренные одесситы, а из тех, про кого говорят: понаехали. И зачем Бореньке такая компания? Роза ополчилась на ни в чем не повинную девочку моментально. И Соня это чувствовала. В общем, знакомство девочки с матерью было самой большой ошибкой Бориса. Соня никогда больше не соглашалась зайти к нему в гости, а мать вставляла палки в колеса, когда он собирался в гости к ней. Радовало только то, что девочка теперь училась в одной с ним школе. Правда, на два класса младше. Они проводили вместе каждую перемену, сидели в столовой, где Борис регулярно скармливал девчонке свой обед, ссылаясь на то, что не голоден. Иначе – Соня бы не взяла. Хуже было летом. Семья девочки действительно была небогата. Мать Сони вкалывала с утра до ночи, и Соне приходилось ей помогать. Как-то, года через три после знакомства, она все лето продавала на пляже кукурузу. И Борька ей в этом активно помогал. Еще бы! Такая возможность побыть с любимой девчонкой! А главное, ничего не нужно делать. Ходи себе по пляжу, да изредка кричи: «Кукуруза, кукуруза…» А потом болтай ни о чем, трави байки, ну или плавай в теплом, ласковом море, когда от жары уже рябит в глазах. Сказка кончилась, когда на них напали грабители. Они с Соней как раз шли сдавать заработанную «кассу», когда их подкараулили. Пятнадцатилетний Борька отбивался, как мог, от более крепких воришек, но все было напрасно. Заработок за день отняли, а его прилично избили. Что тут началось… Роза, подняла на ушу пол Одессы. Начиная от участкового, заканчивая Сониной мамой. Бедной женщине тогда особо досталось. Ее обвинили в том, что она эксплуатирует детский труд, что не в состоянии справиться с воспитанием дочери… Да много чего наговорила Роза в порыве ярости. Сбежавший из-под домашнего ареста Борис полдня пытал Соню, пытаясь выяснить, что еще наговорила мать, но та так и не созналась.

– Брось, Боря. Неважно это. Главное, что ты пришел. Кстати, тебе не перепадет за это? – заботливо поинтересовалась Соня, разливая по чашкам только что сваренный компот.

Перепадет, наверное. Еще как. Да только не мог он без нее и дня прожить. Ломало всего и корежило без ее смеющихся глаз. Без хрупкой фигурки, без льняных волос, заплетенных в забавные баранки. С ним вообще происходило что-то странное. Какие-то неясные желания, которые будоражили воображение и горячили кровь.

– Ну и пусть перепадет! Я все равно буду к тебе ходить! Я тебя люблю! – решился на признание Борька.

Соня выронила ложку, которой вылавливала из компота сливы, и пораженно уставилась на мальчика:

– Правда? – сглотнула она, отчаянно краснея.

– Угу… – пробурчал мальчик, растеряв весь свой запал.

– И я тебя люблю, Боря. С тех пор, как ты меня спас, и люблю…

Он не знал, где взял смелость, просто резко вскочил и неумело коснулся ее губ своими. Замер на мгновение, отпрянул… А Соня распахнула глаза, коснулась аккуратными пальчиками губ, будто бы не в силах поверить, что он это действительно сделал.

– Будешь ругаться теперь? – задиристо поинтересовался Борис.

Девочка отчаянно затрясла головой.

– Нет… Кхм… Нет. Мне понравилось, – прошептала Соня, опуская глаза.

Борька от важности едва не лопнул.

– Ну, тогда мы будем с тобой целоваться. Иногда… Как взрослые. Мне уже пятнадцать! – заявил мальчишка.

Соня кивнула, не отрывая взгляда от пола.

И он сдержал слово. Теперь ни дня не проходило без поцелуев. Поначалу робких и несмелых. Детских и невинных. А со временем – все более страстных и осознанных. Борька уже знал, о чем свидетельствует твердость в штанах. Старшие мальчишки просветили. И ему жутко хотелось попробовать, что же это такое – «секс». К семнадцати годам ожидание стало невыносимым. Их ласки, становились все более смелыми, но и переступить черту никто не решался. Ведь Соне было всего пятнадцать…

Все это время Борис жил, как между двух огней. С одной стороны – мама, которая так и не ослабила контроль над его жизнью. С другой – сумасшедшая любовь к Соне. Порой казалось, что только благодаря ей парню удавалось сохранять свою личность. Борис не был дураком, он прекрасно понимал, что мать видела в их с Соней дружбе угрозу для себя. Она как будто боялась потерять сына, в пользу другой женщины. И он, до сих пор связанный прочной пуповиной с матерью, постоянно находился в конфликте с самим собой. С одной стороны, Боря отвергал мать, а с другой – всем сердцем стремился к ней. Чувство вины перед родительницей сопровождало его постоянно, и порой проецировалось на Соню в виде совершенно необоснованной агрессии.

– Я не понимаю, почему ты не хочешь попробовать! – злился Боря. – Тебе уже шестнадцать. А мне восемнадцать, Соня! Я последний девственник на земле!

Соня неловко встала с пола, возвращая на место задранный нетерпеливым парнем лифчик.

– Мне страшно, Боренька… Давай, как все… После свадьбы.

– Свадьбы?! Ты с ума сошла. Никто не ждёт свадьбу! На дворе восемьдесят третий год!

Такие споры затевались все чаще. Борис рос, а вместе с ним росли и его потребности. Ему уже недостаточно было просто ходить за ручку или целоваться втихаря. Боре хотелось секса! Пацаны в институте уже вовсю развлекались с более сговорчивыми девчонками, а он… Нет… не то, чтобы секс стал первоочередным в его отношениях с Соней. Никуда не делась жажда эмоционального контакта, понимания, душевной близости, простого общения. А с этим, после поступления в институт, было особенно туго. Учеба в медицинском отнимала все свободное время. Борис ужасно тосковал. Ему не хватало Сони. А когда удавалось увидеться, он не мог насмотреться, наговориться, насытиться тем, что она рядом. Соня стала невероятно хорошенькой. Светлые, выгоревшие на солнце волосы, синие, как небо, глаза. Забавные веснушки на курносом носу и пухлые губы, которые он досконально изучил.

– Ты придешь ко мне на выпускной?

– Не знаю. У меня экзамен по патанатомии.

Соня отвернулась к окну, чтобы Борис не заметил, что она опять готова заплакать. Последнее время их отношения приобрели странную горькую нотку. Девушке казалось, что над их любовью нависли угрожающие тени. Соня вообще все эти годы находилась в невероятном напряжении, опасаясь, что матери Бориса удастся их разлучить. А ведь она жизни своей не мыслила без этого парня. Он стал для нее всем. Все ее мысли, все чувства и мечты были сосредоточены исключительно на нем. Ничего другого просто не существовало – только эта сумасшедшая потребность любить и быть любимой. Соня и на секс уже была согласна, только бы Боре было хорошо. Только бы он не ушел к другой, более доступной и раскованной. Собственно, для этого она и звала его на выпускной. Разве это не замечательный повод наконец-то сблизиться? Только как об этом сказать Борису? Как намекнуть, если она по-прежнему отчаянно стесняется? А у него экзамен…

– Ты куда это нарядился? – подозрительно поинтересовалась Роза у крутящегося перед зеркалом сына.

– К Соне. На выпускной.

– Сдалась тебе эта оборванка, – завела свою песню мать. – Лучше бы на Сару посмотрел. Перспективная девочка. И родители у нее не лыком шиты. Вот-вот гражданство израильское выбьют. Заживешь, как человек. Из дерьма советского выберешься, – зудела Роза на ухо.

Борька отмахнулся от матери и вышел за дверь. Во дворе мужики забивали козла. Баба Паша развешивала белье, а из квартиры Прилуцких доносились вопли и визг. Наверное, глава семейства опять напился. Парень проскочил в арку и побрел вниз по улице. Купил у уличной торговки ромашки и заскочил на подножку трамвая. Родная школа встречала парня громкой музыкой. У ворот топталась Соня. Из-за отсутствия денег она не могла пойти в ресторан вместе с одноклассниками, но от присутствия на вручении аттестатов не смогла отказаться. Отличница, как-никак.

– Привет! – радостно улыбнулась девушка. – А я думала, ты уже не придешь.

– Еще чего! – воскликнул Борис и аккуратно подхватил девушку под локоток.

Торжественная часть выдалась невыносимо скучной и длиной, а потом они сбежали, и бродили по городу, держась за руки, и ели мороженое.

– Тили-тили-тесто! Жених и невеста, – послышалась популярная дразнилка из подворотни.

Борька шуганул ребятню, и те пустились наутек, громко улюлюкая. Соня запрокинула голову к небу и задорно рассмеялась. Сколько раз за свою шестилетнюю дружбу они это слышали? Девушка не сомневалась, что Боря и есть ее жених, что только за него она выйдет замуж, и только с ним рядом состарится.

Ночь опустилась на город, когда они добрались до пляжа. Уселись прямо на песок, вдыхая соленый морской воздух. А потом как-то одновременно потянулись друг к другу. Борька, очумевший от вседозволенности, едва с ума не сошел. Накинулся на сладкие губы, задирая юбку, пробираясь пальцами под простые белые трусы. Он взял ее прямо там. На песке, под шум волн и развеселые песни, доносящиеся из ближайших ресторанов. Соня вообще мало что поняла, оглушенная таким стремительным натиском. Просто в один момент стало больно, жарко и дискомфортно. Песок царапал кожу, скрипел на зубах. И ей хотелось только одного – чтобы это все скорее закончилось.

Нет, впоследствии Соня не жалела о происшедшем. Ведь Борис стал таким счастливым! А для нее только это и имело значение. Впрочем, если честно признаться, после того, как болезненные ощущения ушли, их занятия любовью стали вполне терпимы. Особенно Соне нравились откровенные ласки, которые предшествовали самому акту…

Следующий год пролетел незаметно. Учеба отнимала львиную долю времени. Только изредка Борису удавалось урвать пару часов, чтобы увидеться с любимой. Но чувства не угасали, наоборот, крепли с каждым днем, проведенным в разлуке.

В один из дней, аккурат перед самым началом летней сессии, в комнату парня вошла мать.

– Нам нужно серьезно поговорить, Борис.

– Давай, поговорим. Раз надо, – кивнул Борис, откладывая учебник.

– У нас на работе была ревизия.

Парень пожал плечами. Ничего удивительного. Мать работала бухгалтером в порту. Ревизии там проходили постоянно.

– И что?

– У меня выявили серьезную недостачу, Боря. А это срок, как ты понимаешь…

Парень изумленно распахнул глаза. Недостача у матери? Да такого просто быть не может!

– А как такое случилось?

– Очнись, Борис! Мы в какое время живем?! Ты думаешь, ты своим умом в медицинский поступил?! Или за счет чего, по-твоему, я достаю тебе все эти модные шмотки?! Уж не за счет зарплаты ли?

Боря сглотнул. Вдохнул тяжело, ощущая мерзкий, противный ужас, который сковывал его душу.

– Но мы же можем вернуть и…

– Не смеши. Время идет на часы. Помочь мне может только Сема Либерман. Черт его знает, что его дочь нашла в тебе, но если вы поженитесь…

– Это исключено! – взвился с кровати Борис. – Я люблю Соню. Мы поженимся сразу же, как я закончу институт.

– А меня отправишь гнить в тюрьму? – Роза пригвоздила сына тяжелым черным взглядом.

– Мы что-нибудь придумаем!

– Ничего мы не придумаем, Боря. За мной придут…

Борису казалось, что у него выбили почву из-под ног. И он как будто балансировал в воздухе, не зная, как удержаться. Как не свалиться в пропасть, на краю которой он оказался. Впрочем, на тот момент выбор был очевидным. Он не мог допустить, чтобы мать задержали. Если для этого ему какое-то время потребуется побыть мужем Сары Либерман, он вытерпит. А Соня… Соня поймет. Она же все всегда понимает…

Десятки лет спустя Борис хорошо помнил то невыносимое, черное отчаяние, которое оплело его своими сетями. Десятки лет спустя он, как наяву, видел полные боли и непонимания голубые глаза Сони.

– Ты что, Боренька? Ты правда меня бросаешь?

– Я не бросаю, Соня! Мне нужно выручить мать. Ну, я же все только что объяснил! Как только дело замнут, я разведусь, Соня… Я обещаю…

Девушка стояла напротив парня, которого любила семь лет, который за эти годы влез в ее душу и вытеснил из нее все другое, и не могла поверить… Не могла поверить, что это происходит с ней. Вот оно – то, чего она всегда боялась. Роза нашла способ их разлучить. Соня прекрасно понимала, что женившись, Боря никогда не выпутается из этого брака. Его мать найдет десятки способов, как этого не допустить. Ощущение конца света надвигалось…

– Нет, Боря… Нет! Она же специально все это придумала, ты что, не понимаешь? Лишь бы ты в очередной раз сделал так, как ей угодно! Она же ненавидит меня. Ненавидит, Боря!

– Ты несешь чушь! Да, мать, конечно, не в восторге от наших отношений, но с чего бы ей придумывать такой спектакль?

Соня понуро опустила голову. Боль костлявой рукой сжала горло. Она понимала, что ее объяснения ничего не изменят. Боря уже все решил. Ноги подкосились, но девушка не показала своего состояния, погрузившись в какое-то оцепенение. В нем она находилась все последующее время. Когда он делал предложение другой, когда женился, и весь двор гулял на их с Сарой свадьбе. В этом ступоре Соня окончила первый курс университета, кое-как сдала экзамены и уехала «на

картошку». Батрача в полях под палящим солнцем, она старалась не думать о том, как будет жить дальше. Честно говоря, жить вообще не хотелось. Может быть поэтому ее организм все чаще давал сбои? Соню регулярно тошнило, она теряла сознание, а передвижение и вовсе давалось с большим трудом. Девушку отправили домой, и заставили пойти к врачу. Тогда-то она и узнала, что беременна. Полумертвая, вернулась в свою коммуналку. Оглядела обшарпанную комнату и горько заплакала. В таком состоянии ее и застала мать.

– Ну, что опять случилось, горе ты мое? – пробормотала женщина, ласково поглаживая Соню по светлым волосам.

У девушки никогда не было секретов от мамы. У них вообще были очень теплые дружеские отношения. В этот раз ей тоже нечего было скрывать. Рассказала все, как есть. Лариса тяжело вздохнула, налила компот и протянула дочери:

– Нужно рассказать все Борису. Пусть решает, кто ему важнее.

Соня так бы и сделала, если бы на следующий день в женской консультации случайно не столкнулась с Бориной женой. Она, конечно же, не сидела в очереди, как все другие. Сару пригласили к врачу практически мгновенно.

– Извините, дамы. Сил нет дожидаться. Токсикоз извел.

В глазах Сони все закружилось, поплыло… В который раз за последние месяцы она едва не задохнулась. Не помня себя, дошла до дома. Легла на старую кровать. Скрипя пружинами, перевернулась на бок. Слез не было. А разве они могут быть, когда тебя самой не стало?

Первые недели после свадьбы Борис держался, предоставив матери время уладить все свои дела. Но потом… Он смертельно скучал по своей Соне. Никогда раньше они не проводили столько времени порознь. Он пришел в дом, где Соня с матерью снимала квартиру, да только там никого не оказалось:

– Лариса на работе. Соньку на картошку отправили куда-то под Николаев, – пояснила вездесущая баба Рая. – А что это ты сюда явился? Жена надоела?

Борька не посчитал нужным ответить. Вышел на улицу. Закурил. Жена надоела еще до того, как она ею стала. Он вообще не мыслил своей жизни с кем-то, кроме Сони. Сара его раздражала. Даже оказавшись в ее постели, он не мог себя перебороть. Закрывал глаза и представлял Соню. Да, это было недостойно, мерзко… Но иначе он попросту не смог бы. А ему нужно было помочь матери.

В следующий раз он наведался к Соне только через три недели. Все время до этого он работал, чтобы избавиться от любой зависимости от матери. На скорой много не заработаешь, но хоть что-то…

– Чего стучишь? Нет там никого.

– Опять работают?

– Съехали они.

– Как… съехали? Куда?!

– Да кто ж его знает. На прошлой неделе еще. Собрали нехитрые пожитки и уехали. Говорят, за Ларкой давно какой-то мужик нездешний ухлестывал…

– А Соня?

– Соня с матерью уехала, понятное дело, – пожала плечами старуха и закрыла дверь перед носом шокированного мужчины.

Боря выполз из вонючего, душного подъезда. Вдохнул жаркий августовский воздух. Вдох опек легкие, и не принес никакого облегчения. С ужасом осознал: ее нет. Он не сможет больше прийти в любой момент, чтобы поболтать. Он не услышит ее звонкий смех, не увидит, как она красит губы, собираясь с ним на свидание. Не расскажет о своих мечтах и надеждах. Он не сможет сжать ее в своих руках, поцеловать, заняться любовью. Господи Боже… Он же не сможет так… Без нее.

И начались поиски. Борис искал ее везде, где только мог. Поднял на уши деканат института, в котором училась Соня, нашел ее одногруппников. Но никто не знал, куда подевалась девушка. Просто в один момент она приехала и

забрала документы.

– Не знаю… По-моему, она серьезно заболела. Ее даже от картошки по состоянию здоровья освободили. Может, помирать в родное село уехала? – вынес предположение староста группы, которого Боря поймал на перемене.

Родное село могло бы стать зацепкой, если бы парень знал, где его искать. У них никогда не заходило разговора о том, откуда родом Лариса – мать Сони. Он знал только то, что в Одессу она приехала вслед за мужем, с которым впоследствии развелась. Но ни имени мужчины, ни его адреса парень не знал.

Боря зарылся руками в отросшие курчавые волосы и завыл. Его ломало долго. Он не мог есть, не мог спать, вообще ничего не мог… Целыми днями учился и работал, загоняя себя до отупения. А когда выдавалась свободная минутка, снова искал Соню. Так продолжалось несколько лет… Непонятно, почему с ним все это время оставалась Сара. Видит Бог, он был совершенно отвратительным мужем. Но все-таки она оставалась рядом. Может, и правда любила?

С матерью Борис старался встречаться как можно реже. В глубине души он даже ненавидел родительницу за то, что ради ее свободы ему пришлось поступиться собственным счастьем. И в какой-то момент Роза поняла, что ее план обернулся против нее же. Случилось то, чего она опасалась больше всего на свете – ее сын отдалился. Мало того, он практически вычеркнул ее из своей жизни.

Через пять лет после свадьбы, окончательно потеряв надежду вернуть Соню, Борис с женой эмигрировал в Израиль. Он прожил достойную жизнь. Стал прекрасным специалистом, сделав себе имя в области ортопедии. Заработал приличное состояние… Но все это время мужчина был ужасно одинок. Несмотря на тридцать лет брака, супруга так и не стала для него той половиной, о которой он всегда мечтал. У них даже детей не было. Не дал Господь, несмотря на многочисленные попытки Сары забеременеть. Роза просто с ума сходила, когда поняла, что одобренная ею самой невестка не способна произвести наследника славного рода Меерсонов. Теперь уже она давила на то, чтобы Борис развелся. И как можно скорее. Сын не молодел, ему следовало как можно скорее найти жену без дефектов. Но Борис, пожалуй, впервые воспротивился. Да, возможно, это было неправильно – наказывать таким образом мать. Мстить ей за поломанную жизнь… Но Борис не поддался на уговоры. Он уже привык к Саре, притерся к ней… И не хотел ничего менять. Все равно никто и никогда не заменит Соню. Эта боль навечно поселилась в его душе, ведь первая любовь не

забывается…

А потом Борис остался совсем один. Сара погибла, возвращаясь в своей машине от подруги. Жену не удалось спасти. Она умерла мгновенно. Борис ходил по опустевшему дому и вообще не знал, как жить дальше. Пусть Сара так и не стала для него любимой, но она стала другом, опорой, поддержкой. А Роза не скрывала радости:

– Ничего, Боренька. Найдешь себе помоложе жену. Глядишь, еще и родишь кого-нибудь!

В тот день Борис впервые оборвал разговор, так и не выслушав мать до конца. И только тогда он, пожалуй, действительно поверил, что Соня в день их последней встречи была права. Мать придумала всю ту историю с растратой. Он сам поломал свою жизнь. Своими собственными руками. Ему было пятьдесят, когда он остался абсолютно один.

Все поменялось неожиданно. В один момент, спустя два года после ухода Сары. Он встретил ее. Молодую женщину. Лет тридцати, или немного за. Борис не знал, что приковало его взгляд. Возможно, она ему кого-то напоминала.

Это была обычная конференция по ортопедии. Он читал очередную лекцию, демонстрируя что-то на слайдах, а потом его взгляд выхватил из толпы коллег ее невысокую фигуру. Женщина была темной масти, с большими карими глазами и живой, подвижной мимикой. Она не была красавицей, но и дурнушкой тоже не была. Симпатичная, ухоженная, хорошо одетая.

Борис хотел подойти к ней во время фуршета. Банальный порыв, объяснения которому он не находил, но молодая женщина его опередила. Широко распахнув глаза, Борис с удивлением наблюдал, как она целенаправленно движется к нему.

– Здравствуйте, Борис Меерсон. Вот какой вы, оказывается.

Боря удивился еще сильнее:

– Простите, мы знакомы?

– Нет! – покачала головой женщина из стороны в сторону, и только тут Борис заметил, что она была беременна. – Но вы же бывали в Одессе?

В сердце мужчины что-то кольнуло. Да… Да, он бывал в Одессе. Там осталась его душа. Борис кивнул, более пристально разглядывая незнакомку.

– И жили на Малой Арнаутской?

– Жил, – кивнул Борис, сглатывая. У него появилось предчувствие, что сейчас его жизнь необратимо изменится.

– И знали Софию Кочеткову?

Борис кивнул. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Желудок опустился вниз.

– А я – Елизавета Кочеткова. Гринбанд по мужу. Как говорит бабушка Лара, ее девочек прямо тянет на евреев, – хохотнула женщина. – А вы – мой биологический родитель. Только не подумайте, бога ради, что мне от вас что-то нужно, – тут же пояснила она, заметив, как побледнел мужчина. – Просто я же беременная. Ну и образовался у меня бзик – посмотреть на мужчину, чьи гены будут в моем ребенке. Сдерживала себя, как могла, а потом меня пригласили на эту конференцию, а там вы… И я подумала, что это судьба.

– Простите… Что-то мне нехорошо, – прошептал мужчина, хватаясь за сердце.

– Упс… Ну да, мне говорили, что я резкая, как понос. Нужно было как-то помягче вам об этом сообщить, да? Или вообще ничего не говорить… – бормотала женщина, выводя его в холл, где было гораздо прохладнее. – Бабушка рассказывала, что вы не слишком крепок. Но я думала, речь шла о силе духа, а не о вашем слабом здоровье.

Борис буквально упал в кресло. Лиза побежала в бар за водой, а он, не отрывая взгляда, следил за своей… Дочерью?! У него не было никаких сомнений. Теперь он понял, кого ему напомнила Лиза. Она была очень похожа на него самого, но еще больше – на его мать. В душе поднимался шторм. Эмоции переполняли, перекрывая доступ кислорода. Осознавать то, что он прожил жизнь, лишенный возможности видеться с собственным ребенком, лишенный любви и радости…

Это было невыносимо больно. Его жизнь уходила, а он столько всего упустил…

Перед носом появился стакан с водой:

– Вот. Выпейте. Эти гормоны меня доконают. Сама не ведаю, что творю. Вы простите меня, что вот так свалилась на голову. Только мне, правда, ничего не нужно, я посмотрю на вас, мы поболтаем и разъедемся, каждый в свою сторону…

– Нет… – отчаянно замотал головой Борис.

Женщина замерла, откашлялась:

– Эээ, ну ладно. Не хотите, как хотите. Настаивать не стану.

– Нет-нет… Ты меня неправильно поняла, – отдышался Борис, хватая дочь за руку. – Я не хочу разъезжаться в разные стороны. Я хочу познакомиться, выяснить, как так получилось, что мне о тебе не было известно.

– Правда? – изумилась Лиза. – А ваша семья не будет против?

– Нет у меня никого. Я холост.

– Холост, или никому не нужен? – не преминула поддеть отца дочка. – Ой, прости! Язык мой – враг мой. Это мне тоже бабушка говорила. Вообще-то я борюсь со своей язвительностью, – покаялась дочка.

Борис улыбнулся. Впервые за все время их разговора:

– Боюсь, это генетическая предрасположенность. А соответственно, можешь даже не стараться.

– Ты тоже острый на язык? – улыбнулась в ответ дочь.

– Нет. Это у тебя в бабушку Розу.

Лиза нахмурилась. Она знать не хотела эту сварливую каргу! И уж тем более не хотела быть на нее похожей. Борис сразу же это понял.

– Лиза… А как Соня живет? Куда она исчезла? Я столько лет ее искал…

– Да? – удивилась дочь. – А мама была уверена, что ты этого не станешь делать.

– Я искал. Не один год, после ее исчезновения потратил на это… Так как она?

– Мама живет в Киеве. Работает. У нее свой бизнес. Да что я рассказываю? Может, вам стоит встретиться? Она, кончено, в шоке будет, но, по-моему, вам есть, о чем поговорить.

Встретиться? С Соней? Спустя тридцать два года? У него даже руки задрожали. И в носу защипало.

– Пойдем!

– Куда?!

– К маме. У нее тут какие-то дела по работе.

– Она в Тель-Авиве?!

– Да. Говорю же… По работе. Туры какие-то разрабатывает новые. Отели смотрит. Нашла себе занятие, чтобы меня одну не отпускать. Муженек-то мой меня сопроводить не смог. Тоже весь в бизнесе. Знаешь, как мне с этими двумя квочками живется? Я ж, как забеременела – мне жизни нет. У мамы нереализованный материнский инстинкт из всех дыр попер.

– Почему же нереализованный? – поинтересовался Борис, спеша вслед за дочерью. – Подожди, Лиза. У меня здесь автомобиль припаркован.

– А с чего бы ему реализоваться?! – удивилась дочь, усаживаясь в заботливо приоткрытую отцом дверь. – Меня она и не видела толком, вкалывая на двух работах и заочно заканчивая институт. Ну, а больше детей у нее не было. Вот и накопила любовь нерастраченную.

Борис выехал на автостраду, забивая в навигатор указанный дочкой адрес отеля, в котором они с матерью остановились. Мужчина пребывал в какой-то эйфории. Все, что случилось сегодня, было настолько неожиданно, настолько желанно! Счастье с горьким привкусом. Упущенные годы не могли не оставить свой след.

Лиза вошла в холл отеля первая. Он последовал за ней, и тут же им навстречу вышла женщина. Худенькая, с длинными светлыми волосами. Она практически не изменилась. Только морщинки появились на лице. Особенно у смеющихся глаз, которые, завидев его, потрясенно распахнулись. Похоже, инфаркт грозил не только ему.

– Соня, – прошептал мужчина. – Господи Боже… Это и правда ты.

– Боря? Лиза, что здесь происходит? – взволнованно поинтересовалась женщина.

– Похоже, что воссоединение семьи, – отрапортовала дочь, придерживая мать за локоток.

Женщина снова перевела взгляд на Бориса. Зажмурила глаза, вновь их открыла, будто бы не в силах поверить, что действительно его видит.

– Соня… Сонечка… Нам нужно поговорить.

Женщина растерянно осмотрелась, пытаясь собрать вместе разбежавшиеся мысли:

– Здесь неплохое кафе за углом, – тихо проговорила она.

Они уселись за столиком в полупустом ресторанчике, сделали заказ, который не лез в горло, и даже не сразу заметили, что дочь тактично оставила родителей наедине. Соня оторвала взгляд от тарелки, отложила в сторону приборы, сосредоточившись на мужчине, которого и не надеялась уже увидеть. Который сломал ее жизнь, как многие считали. Отмечала все… И плохую стрижку, и болезненно худую фигуру, и годы, которые отложили отпечаток на его лице, прочертив глубокие борозды морщин…

– Почему ты уехала?

– Прости? – изумилась женщина.

– Почему ты уехала? Я искал тебя годами, пытаясь вернуть… Почему не сказала, что беременна?

– Я хотела, – пожала плечами Соня. – Только встретила Сару в консультации. Она тоже была в положении. И тогда я подумала, что вряд ли моя беременность для тебя станет радостной новостью. Не хотела причинять тебе неудобства.

– Сара никогда не была беременна. Мы бездетны.

Соня потрясенно распахнула глаза:

– Мне жаль. Но тогда она была уверена, что у нее токсикоз. Или врала… Хотя… Забудь. Я ничего не буду доказывать.

– И не нужно. Ты и так была во всем права, – заметил Борис, перекатывая ложку в руках. – Куда вы уехали?

– В Киев. За мамой давно ухаживал один мужчина, но он был прилично старше, и она не решалась выйти за него замуж. А когда со мной случилась беда… Я, Боря, с жизнью хотела покончить… Вены вскрыла, – призналась Соня, перекатывая браслет на руке, который прикрывал тонкие, выцветшие шрамы. – Так вот тогда-то она и решилась. И, знаешь, ни дня не жалела потом. Они вообще с Николаем Васильевичем очень хорошая пара.

Боря сглотнул, за грудиной что-то сдавило. Боль наполнила все его тело и устремилась в мозг.

– Как ты жила? Была ли замужем? – Борис устремил взгляд на руки женщины. Обручального кольца на пальце не было, хотя Соня и не пренебрегала украшениями.

– Замужем? Да ты что, – улыбнулась женщина. И эта открытая улыбка шипом воткнулась в его сердце, выпуская наружу переполняющую его вину. – Мне же

не до этого было совершенно! Работа, учеба, орущая Лизка… А потом девяностые, безденежье… Нет, замужем я не была. Есть у меня сейчас один… Как говорит мама – для здоровья, но ничего серьезного. А ты?

– Я тоже один. Сара погибла два года назад.

– Мне жаль, – прошептала Соня и замолчала.

– Я искал тебя.

– Ты говорил.

– Я любил тебя всю свою жизнь, – прошептал Борис, не сводя с женщины переполненного слезами взгляда.

– Боря… Столько времени прошло… Мы уже давно другие люди. И не вернуть ничего.

– Не вернуть. Можно просто продолжить с этого места. Если ты хочешь… Мы могли бы хотя бы попробовать.

Соня сглотнула. Эта встреча стала полной неожиданностью. Она не была уверена, что хочет попробовать. Женщина только недавно сумела избавиться от наваждения первой любви. Ей потребовались на это долгие годы. А теперь… К чему бередить сердце на старости лет? Зачем он вообще появился в ее жизни?! Лизка – паразитка!

– Господи… Мы живем в разных странах. У нас устоявшаяся жизнь…

– А мы попробуем! Пойдем! – подхватился Борис, бросая на столик несколько купюр.

– Куда? – изумилась Соня.

– Будем знакомиться заново!

Борис усадил Соню в машину, и покатил к своему дому. После похорон Сары он продал дом и перебрался в квартиру. Здесь был закрытый двор с несколькими бассейнами и большой спортзал.

– Красиво, – проговорила женщина, разглядывая открывающийся из окон вид.

– Да, – согласился Борис, не сводя взгляда с хрупкой стройной фигуры.

Он до сих пор не верил, что нашел ее, спустя столько лет. А ведь сейчас можно было представить, что и не было их… Этих десятилетий порознь. Фигура женщины практически не изменилась, и только волосы были немного короче, чем тогда. Соня повернулась к нему лицом. Такая же красивая. Только теперь это была зрелая, сочная красота. И она зажигала его ничуть не меньше. Борис знать не желал, кто там у нее есть «для здоровья». С сегодняшнего дня для любых целей будет только он – Боря Меерсон. Подошел. Посмотрел прямо в глаза. Любит! Любит ее прошлую, любит настоящую, любит всякую… И всегда будет любить. Поцеловал. Сначала осторожно. Будто бы боясь спугнуть. А потом со всей страстью, которую только Соня могла в нем пробудить. И она ответила. Потянулась к нему с отчаянным всхлипом. И не было ничего лучше, чем этот момент. Когда точно знаешь, чего хочешь, и знаешь, как… Обнажение тел, обнажение душ. И не стыдно за свои несовершенства. Это печать опыта, без которого они бы не оказались в этой точке… Вместе. Спустя столько лет. Вошел в нее одним плавным толчком, качнулся. Отступил. Повторил все еще и еще. Пока она не задрожала в экстазе.

– Люблю. – Хриплый шепот в наивысшей точке.

Вита припарковалась и повернулась к задумавшемуся мужчине:

– Цветочный. В этом магазинчике всегда свежий товар.

– Ох, извините. Задумался. Я сейчас… Одну минутку.

Борис выскочил из машины. Зашел в небольшой магазинчик. Осмотрелся. Ему нужны были ромашки, но он не был уверен, что их можно было достать в марте.

После того, как они с Соней снова встретились, прошло ровно четыре месяца. Четыре месяца беготни и хлопот. Борис в спешном порядке сворачивал практику в Израиле, искал работу в Киеве, распродавал имущество… И часами висел на телефоне, не в силах оторваться от любимой.

– Клади трубку.

– Не могу.

– Боря… – нежный смешок.

– Я на тебе окончательно свихнулся. Все время твое лицо перед глазами стоит. Может, все-таки прилетишь? Хоть на денек…

– Не могу. У нас куча работы, – прошептала Соня, с улыбкой откидываясь в кресле.

– Эх… И я еще, как привязанный… целых две недели, Соня! Это невозможно – быть так долго без тебя! Я так скучаю, милая…

– Я тоже, Боря. Как наваждение какое-то.

– Ну, ничего. Еще немного осталось. Лишь бы к родам Лизкиным успеть перебраться. Дед я, или не дед?!

– Дед! – засмеялась Соня. – А прабабку-то ты обрадовал?

– Да. Она хочет познакомиться с Лизой. Но это – только если сама Лизка захочет. Я настаивать не буду.

И так каждый день. Разговоры, скайп, томительное ожидание новой встречи. Им не пришлось знакомиться заново. Они практически не изменились. Так… Набрались опыта, да горя испили. Но от этого только ценнее стало то, что наконец-то обрели.

Ромашек в магазине не было. Боря купил букет белых гербер и вернулся в машину.

– Мне вообще ромашки были нужны. Но сейчас не сезон. Как думаете, хорошая замена? – переспросил мужчина у хорошенькой таксистки.

– Великолепная, – улыбнулась Вита. – Будете свою девушку с восьмым марта поздравлять?

– А? Да нет… – покачал головой мужчина. – Замуж звать буду. И так на тридцать два года опоздал. Нужно, чтобы хоть внук в законном браке родился.

– Вот это романтика! – восхитилась Вита.

Они подъезжали к Софиевской, и Борис все больше волновался. Он еще не знал, что Соня согласится на его предложение, заревев в полный голос. Что они поженятся на следующий же день. Что в тот же день он станет дедом очаровательного мальчика, и что Роза, переступив через себя, все-таки извинится перед Соней. Он не знал, что его ждет счастливое будущее, полное любви и детского смеха. В этот миг он только надеялся на заветное «да».

Вита припарковалась у обочины:

– Удачи вам с предложением! – улыбнулась она, забирая щедрое вознаграждение.

– Спасибо! – кивнул головой мужчина и лихо выскочил на тротуар навстречу красивой женщине в кремовом кашемировом пальто. Они обнялись прямо посреди улицы, сминая шикарные герберы. И такая любовь исходила от этой пары!

Вита смахнула слезу. С трудом оторвала взгляд от счастливых влюбленных и выехала на дорогу.

История 2. Леся и Николай

По адресу нового вызова находилась детская травматология, въезд на территорию которой был строго запрещен. Вита припарковалась у обочины, в надежде, что клиенты догадаются выйти. Так и случилось, уже минуту спустя к ней подсели две молодые женщины.

– Ну и зачем тебе этот демарш, Леся? Чего добиваешься? Согласилась бы. Колька бы тебя и отвез. А так неизвестно, сколько деньжищ в трубу улетит, пока ты до своей Калиновки на такси доедешь!

Вита прониклась справедливостью сказанного. До Калиновки намотает прилично! Может, и правда, лучше бы барышню неведомый Колька подвез? Тарифы нынче – мама дорогая!

– Не могу я, Карина. Видеть его не могу. Когда дети рядом, еще хоть как-то держусь, а наедине… Не могу, и все!

Ага! Значит, Колька – это муж. Да непросто муж, а муж в опале.

– Лесь… Ну, Леська! Ты палку-то не перегибаешь?

– Нет! – решительно отрезала молодая женщина и тут же обратилась к Вите. – Вы поезжайте. Я не передумаю…

Вита включила поворотник, проводила взглядом несколько машины. Гады, хоть бы кто пропустил! А женщины между тем продолжали тихий разговор:

– Лесь… Ну, провинился он… Это да, конечно. Но он ведь сожалеет, Лесь! Ты посмотри на него! Худющий стал, глаза ввалились!

– Ну, кто ж виноват, что новая зазноба плохо кормит? – с горечью заметила женщина.

О, да тут измена налицо! – мимоходом отметила Вита, наконец-то вливаясь в плотный поток машин. Ну и гады эти мужики! И чего им только не хватает?! Вот и Леся… Умница, красавица. Сразу видно! А этот Колька вон чего начудил… Паразит!

– Ты-то говори, да не заговаривайся, – одернула подругу Карина. – Знаешь же, что один он мается! Слушай, Лесь… Да прости ты его! Видела я эту дамочку. Ну, знаешь… девочка-трансформер. С нее сними все накладное, и не останется ничего! Это же даже не измена с такой… Это подвиг!

Леся горько усмехнулась и отвернулась к окну. Бойкая Карина поймала взгляд Виты в зеркале:

– Вы меня где-нибудь у метро выкиньте. Мне в Калиновку без надобности.

– На Позняках, подойдет?

– В самый раз. Лесь, слышала? Я на Позняках выйду.

– Слышу-слышу! – кивнула молодая женщина подруге.

– Леська, ну что ты, и правда… Посмотри на себя! Почернела вся. Простила бы ты его уже, и всем бы легче стало. Дети страдают, ты страдаешь, Колька страдает.

– А как простить измену, Карина? Ты бы простила?

– Простила бы! Он же у тебя золотой! Ну подумаешь, оступился раз… С кем не бывает? Он же понял, что не прав. Прощения попросил. Ведь просил же?! А ты ему что? Даже скандала хорошего не устроила! Детей собрала, и к маме под крылышко. Разве так можно? Их же нельзя без присмотра оставлять. Тем более таких мужиков, как Николай. На него все село Богу молится. Знаешь, сколько желающих к рукам прибрать?! А ты тоже молодец – берите, мол, мне без надобности!

– Он мне изменил! – отчаянно закричала пассажирка и всхлипнула в конце, испортив весь произведенный грозный эффект. – Все село в курсе. Кости мне моют. Даже дети на переменках шушукаются за спиной… – отчаянно зашептала она.

– Это, конечно, неприятно, да только сплетни так же быстро затихают, как и рождаются. Тебе ли не знать. Когда Курякина с мужем развелась и за вашего

директора замуж вышла, что было? Армагеддон. А через месяц и не вспомнил никто.

– Курякину не застал никто со спущенными штанами в самом процессе!

– Да, тут Колька сплоховал. Мог бы хоть спрятаться по-человечески!

– Кристина, да ты что несешь? И что тогда? Я бы ничего не знала, а он бы за моей спиной шашни водил?

– Да не водил бы он, дура! Вляпался один раз. Мало ли, как такое получилось. Он бы в жизни на постоянной основе тебе не изменял. Он тебя любит!

– Любит?! Ах, это любовь у него такая, оказывается! Значит, я и правда – дура! Не понимаю я, Кристина, такой любви. Я же за него жизнь готова была отдать. Пылинки сдувала! А он…

Леся познакомилась с Николаем Бариновым еще в институте. Приехала домой погостить, отдохнуть от жизни общажной и увидела его в магазине. Большой. Первое, что пришло в голову. Высокий, плечистый, основательный. Это как-то сразу бросалось в глаза. Только руки все в мазуте въевшемся. А так… У Леси даже дыхание перехватило. Мама тут же все просекла:

– Что, Лесенька, понравился парень?

– Да ничего, – пожала плечами девушка.

– Одобряю. Хороший он. Бабы Нюры внук. Помнишь бабу Нюру? Такое на ее участке затеял! Сруб ставит. Своими руками! А еще автомастерскую открыл. К нему даже из столицы едут на ремонт. Ну и наши, само собой… Руки – золотые.

Понятно, раз с машинами возится, то мазут на руках отмыть – нереально. Леся выглянула из-за материнского плеча и наткнулась на пристальный взгляд серо-зеленых глаз. Покраснела. Отвела неловко глаза. Как девчонка совсем! Разозлилась сама на себя. Стрельнула глазами в известную сторону. Вот она я какая, смелая. Он понял ее браваду. Улыбнулся, от чего вокруг глаз образовались тонкие лучики морщинок.

– Здравствуй, Николай. Что это ты в нашем магазине забыл? Помнится, ты в столице предпочитаешь отовариваться.

– Так мне только хлеба, теть Надь.

– Да разве ж это хлеб? – удивилась мама Леси. – Хлеб самому печь надо.

– Кому же мне его печь, когда я один совсем? – улыбнулся мужчина, переводя смеющийся взгляд на Лесю.

– А это вообще непорядок! – улыбнулась женщина. – Такой парень, и один. Ой… Заболталась, а дочь не представила. Знакомьтесь – Леся. А это – Николай.

– Очень приятно, – кивнул мужчина, не переставая улыбаться.

– Взаимно, – пробурчала Леся. – Нам макарон, теть Галь. И йогурт. Свежий? – быстренько перевела разговор девушка. Очень уж Лесю задело, что мужчина поймал ее заинтересованный взгляд.

Выходные прошли быстро. Нужно было возвращаться в Киев, да только на автобус Леся опоздала. Заболталась с Иркой Русановой, чтоб ее! Подбежала к остановке, проводила расстроенным взглядом маршрутку, отчаянно топнула ногой.

– Привет, Леся. Опоздала?

Леся обернулась. Из окошка сверкающего Ланоса высунулась голова ее недавнего знакомого. Он опять улыбался. Черте что!

– Опоздала, – пробубнила она.

– Так садись, подвезу! – предложил мужчина.

– А ты что… В Киев собрался? – оживилась девушка.

– Угу. Кое-какие запчасти пришли. Нужно получить. Садись-садись. Я не кусаюсь.

Лесе было жутко неловко, но и выбора особого не было. К началу занятий ей нужно было успеть. Да и чего скрывать… Нравился ей Николай.

Поначалу разговор не клеился, но к концу пути Леся расслабилась. Обаяние и улыбчивость мужчины подкупали. Он нравился ей все больше и больше.

– Лесь… А давай вечером куда-нибудь сходим?

– Куда? – замерла девушка. Неужели и она ему тоже понравилась?!

– Да хоть куда. В кино, или кафешку какую-нибудь. Хотя, что это за свидание в кино? Мы же друг друга не услышим…

Свидание? Свидание?! Леся чуть с ума не сошла от счастья! Весь вечер прихорашивалась. Перемерила все свои платья, прошлась по подругам. Чуть не опоздала к нужному времени. И он приехал! С огромным букетом сирени. Откуда только узнал, что ей нравятся эти цветы? И они пошли в маленькую уютную кафешку, где могли услышать друг друга! И она влюбилась. Ведь так бывает, правда? Бывает, влюбишься – и все! В немного хриплый голос, вихрастую макушку, в то, как он откидывает голову, когда смеется, в то, как он ест, в руки с ободками мазута вокруг ногтей… Только в этот раз эти ободки немного светлее. Потому что и он старался предстать перед ней во всей красе… И за это как-то сразу в него влюбляешься еще сильнее. И уже ничто не имеет значения, потому что твои глаза видят только его одного, потому что твое сердце замирает от любви!

Они не смогли долго порознь. Видеться урывками и снова ждать встречи… Поженились, едва Леся закончила семестр. Девушка устроилась в местную школу, набрала первоклашек, и перевелась на заочное отделение. Иногда ей казалось, что она попала в сказку. Нет, на нее не свалились все блага сразу, но тем ценнее было то, что они делали вместе. Например, дом. Пока совместными усилиями заканчивали стройку, жили в ветхой хате бабы Нюры, в которой даже туалета не было. Нужно было выходить на улицу. С деньгами тоже тогда было не густо. Точнее, они были – Коля всегда хорошо зарабатывал, но все подчистую уходило на стройку. Жили на ее скромную зарплату учительницы. Но это было счастливое время, несмотря ни на что. А потом Леся забеременела. Был февраль, Коля возился с проводкой в новом доме, а она смотрела на тонкую полоску теста на беременность и чуть не плакала. Они, конечно, планировали детишек, да

только немного позже. Когда закончат стройку, и станет посвободнее с финансами.

– Эй, Лисенок, ты чего тут застыла? – В хату заглянул румяный с мороза Николай. – Лесь… Ты что, плачешь?!

– Плачу, – всхлипнула девушка. – Беременная я, Коля. Вот… – прошептала она, протягивая мужу полоску теста.

Николай застыл. Недоуменно посмотрел на протянутый предмет, вскинул взгляд на жену.

– И когда рожать?

– Не знаю, – растерялась девушка. – Нужно подсчитать. В октябре? А какая разница? – Не такой реакции она ждала, если честно.

– Как это «какая», Лесь? Нужно же дом успеть к этому времени довести до ума! Ну, не в хату же эту малыша приносить…

Леся всхлипнула и кинулась в большие надежные руки. Вот она – самая лучшая реакция. Никаких сомнений, только забота об их с ребенком комфорте. Ох, и год тогда выдался! Сумасшедший. Спешка невероятная – только бы успеть. Николай пропадал то на работе, то на стройке. Уставал дико. Приходил домой и падал на кровать без сил. Леся тоже помогала, как могла. Принеси-подай-подержи. Да и много было помощников, все село, считай, подключилось. Может, поэтому и успели к октябрю-то.

Схватки начались неожиданно. На неделю раньше намеченного срока. Они как раз собирали кухню, когда воды отошли.

– Ой, Коля… Началось!

Николай отбросил отвертку. Подлетел к жене:

– Все хорошо, Лисенок. Ты, главное, не волнуйся. Одевайся. А я сейчас машину прогрею, и поедем.

– Да подожди ты, Коль! Мы же еще шторы не повесили!

– Какие шторы?! С ума сошла? Быстро одевайся! Неизвестно, что там на выезде. Сейчас опять все из города на дачи ринутся. Как бы в пробку не попасть. Пятница…

Леся не стала больше спорить. Оделась потеплей, схватила документы:

– Коль, сумку-то взял?

– Взял-взял! Поехали уже скорее!

Леся забралась в машину, муж ее заботливо пристегнул и выехал со двора.

– Не дело это, что мы шторы не повесили, – сокрушалась Леся, отмечая про себя, что схватки становятся чаще.

– Дались тебе эти шторы! Что я – сам порядка не наведу к вашему приезду?!

И правда, – подумала Леся. Ее мужу все по плечу. И порядок наведет, если надо будет, и шторы повесит! И он повесил! И вообще весь дом украсил голубыми воздушными шарами. А на машину наклеил огромный плакат «Еду за сыном». На восхищенные ахи жены и тещи, Николай пояснил:

– Я же без тебя, Леська, чуть с тоски не завыл. Вот и занимался самодеятельностью, чтобы как-то отвлечься.

И Леся кинулась к мужу в объятья и плакала долго оттого, какой он у нее замечательный.

– Эй, Лисенок, ну ты чего? – встревожился Николай. – Не плачь, милая… Вдруг молоко пропадет? Чем обормота кормить будем? – спросил он, едва касаясь сморщенной щечки сына. А она заревела еще сильнее, потому что это было очень трогательно – его большая заскорузлая ладонь на бархатной щечке их Тимошки.

И начался новый этап совместной жизни. Теперь уже втроем. Лесю не коснулась пресловутая послеродовая депрессия. Или некогда ей было в депрессии впадать? Жизнь закружила и понеслась. Тим рос не по дням, а по часам, и был очень похож на папу. У Леси сердце замирало, когда она видела их вдвоем. Из Николая вышел превосходный отец. Заботливый, терпеливый, надежный. Леся вообще жила, как за каменной стеной. Горя не знала со своим мужчиной. Все остальное было незначительным и второстепенным. Они потихоньку обживали дом, в котором поначалу, кроме кухни и манежа, даже мебели не было. Со временем насобирали денег на красивый спальный гарнитур и шикарные диваны. Купили новомодный плазменный телевизор. Поменяли забор…

Леся взялась за репетиторство, чтоб не заскучать, да и у Николая дела шли на лад. В мастерской отбоя не было от клиентов, так что ему даже пришлось нанять двух помощников и оформить частное предприятие. Тут для Леси тоже работа нашлась – она взяла на себя все организационные вопросы и бухгалтерскую отчетность. Ей, как математику, это не составило большого труда. Так и жили.

Когда Тимка немного подрос, вся семья впервые выехала за границу на отдых. И сколько впечатлений осталось от той поездки в Египет! Что говорить о трехлетнем сынишке, когда сама Леся с восторгом наблюдала и за разноцветными рыбками, подплывающими к самому берегу, и за крабами, и за прочей живностью! А море?! Она никогда раньше не видела такого красивого моря! Синее, кристально чистое и ужасно соленое! Такое соленое, что даже глаза щипали, если в них попадала вода.

– Уложил? – прошептала Леся, откидываясь в плетеном кресле на шикарном балкончике с видом на море.

– Угу, – отрапортовал муж и потянулся до хруста в костях. – Хорошо-то как!

– Хорошо! – согласилась Леся, протягивая мужу бокал красного вина.

Николай уселся рядом, закинул ножки жены себе на колени и уставился на красиво подсвеченный газон с шикарными кустами азалий, которые наполняли воздух своим одуряющим ароматом.

– Хорошо! – повторил муж, проводя большим пальцем вдоль стопы Леси. Потом поднял ножку, поцеловал в щиколотку, прикусил подушечку большого пальца.

– Коль… – прошептала Леся.

– А что? – переспросил муж, притягивая к себе любимую. – Малой спит… Ну, иди же сюда…

И она пошла. С радостью. Потому, что и правда – малой спит, а вокруг нереальная красота и звуки музыки… А еще возбужденный любимый муж, к которому она забралась на колени. И вот он… Такой знакомый, такой родной. Его губы на ее губах, его руки, исследующие тело. Лямки сарафана приспущены, открывая вид на красивую полную грудь с большими розовыми сосками, подол задран вверх, что позволяет беспрепятственно ласкать тугую горошину клитора. Он изучил ее досконально, но ни в коем случае не пресытился. Он с ума по ней сходил… Спускает свои шорты, отодвигает вбок кружевные трусики любимой. Погружается внутрь, и она медленно раскачивается на нем, доводя их обоих до экстаза.

– Хорошо, – шепчет мужчина, утыкаясь в покрытую испариной шею жены.

– Хорошо, – всхлипывает она, сжимая его внутри еще сильнее.

После этой поездки они каждый год куда-нибудь выбирались. Турция, еще раз Египет, Тунис. Голубой мечтой остается Прага, но совершенно нет времени на все эти заморочки с визами. Тем более, что еще через несколько лет Николай выдает:

– Слушай, Лисенок… А ты мне почему дочку еще не родила?

И правда… Почему? В общем, на повестке дня остро стал вопрос о расширении семьи. Вот только почему-то не получалось. Год бесполезных попыток, а беременности все нет. Тимке уже и в школу скоро, а ни сестрички, ни братика. Леся впала в отчаяние. Каждые месячные встречались слезами. Пока Николай не положил конец страданиям жены:

– Ну, чего ты опять душу рвешь? Ты же не бесплодная! Вон, Тимоха с первой попытки получился. Значит, не время еще.

– А когда оно будет, время? Мне уже двадцать семь!

– А мне тридцать три. Мы молодые люди, – разъяснил жене очевидное Николай. – В Европе в этом возрасте еще и не думает никто про детей! А если так волнуешься, то запишись на прием к врачу. Посмотрим, что скажут.

Ничего конкретного им не сказали. Они были полностью здоровы. Николай для спокойствия жены тоже прошел полное обследование.

– Вот видишь? Все хорошо. Будет тебе малыш, когда время придет, – успокоил любимую мужчина, привлекая в свои объятья. – Главное – перестань на этом зацикливаться, и все случится!

И ведь случилось! Она забеременела спустя полгода, в очередном отпуске, когда и думать забыла о продолжении рода. Точнее, как забыла? Любовью они занимались постоянно, вот только без навязчивых мыслей: получится зачать или нет? Просто любимый мужчина и страсть, которая вспыхнула с новой силой.

Леся была невероятно счастлива! Просто парила над землей. Тимка тоже обрадовался появлению нового члена семьи. Правда, мечты Николая о дочери не оправдались – им вновь пообещали сына. А Леся, которая просто мечтала еще об одном малыше, даже не расстроилась. Пацан, так пацан. Вон у них какой мальчишка изумительный подрастает!

Лешка родился в канун восьмого марта. Мартовский кот – так его ласково называли в семье. Ох, и намучились они с ним. У ребенка была страшная аллергия. И лет до двух, пока он не перерос эти процессы, Леся просто с ума сходила. Возможно, тогда их отношения с мужем дали трещину. Возможно, именно тогда возникли предпосылки к его измене! А она и не заметила…

– Позняки. Приехали, – ворвался в мысли голос таксистки.

– Ага. Выхожу, – пробормотала Кристина, роясь в сумочке. – В общем, я тебе свое мнение озвучила, а ты решай. Только время-то идет, Леся! Хоть о детях подумай.

Ты же даже алименты не берешь, разве так можно!

– Не нужны мне его деньги! И не были никогда нужны. А детям пусть покупает все, что хочет. Он, вон, Лешке лекарства оплатил и вызов врача.

– Глупая ты! Жаль мне тебя, – сокрушенно покачала головой подруга и вышла на обочину.

Вита тронулась и поехала дальше, отмечая, что за ними практически от самой больницы едет большой сверкающий джип.

– Не отвяжется! – пробурчала Леся, отворачиваясь от окна.

– Ваш? – уточнила Вита, кивая в сторону движущегося автомобиля.

– Был мой… А стал чужой, – убито прошептала молодая женщина.

Она как раз заканчивала урок в девятом «а», когда в класс ворвалась Бубновая Дама. Так у них в селе называли владелицу местной забегаловки. Женщина все время бубнила, то на официантов, то на поваров, то на самих клиентов: бу-бу-бу. Народ-то к ней привык, и не обижался, а кличка прилипла, и уже никто вспомнить не мог, как звали женщину на самом деле.

– Леся Васильевна… Скорее! Скорей! Там ваш муж… такое!!!

Леся схватилась за сердце, все внутри опустилось вниз и сжалось в тугой узел. Почему-то в голову полезло самое плохое… Ну, а как ему не лезть, когда такое начало разговора?

– С любовницей прямо в гараже шашни затеял! Вы представляете?! Я приехала, чтоб он мотор в моей лошадке посмотрел, а там… Мама дорогая! Разврат! Да идемте же… Скорее! На горячем подлеца поймаете. Может и шалашовку удастся за волосы оттягать, чтоб неповадно было на чужих мужей вешаться! Да чего же вы стоите?!

А Леся и правда застыла, и пошевелиться не могла. Да нет! Привиделось Бубне… Клевета. Чтоб ее Коля, да с другой? Смех! Леся выпроводила нежданную

посетительницу, довела до конца урок, записала на доске домашнее задание. И даже осталась заполнить журнал. Неспешно пошла к дому, забрав по дороге из детского сада Лешку. Так с сыном за руку она и вошла в свой дом. А там он. И ничего бы не было, если бы не глаза его виноватые. Леся захлопнула дверь, опустила бессильно тяжелую сумку с непроверенными тетрадями. Из кухни навстречу выбежал Тимка, который доставал ей уже до плеча. А она стояла, как изваяние. И даже голос куда-то пропал… Просто смотрела в глаза. До рези, до боли, до красных точек…

– Лесь… – прошептал Николай и двинулся было ей навстречу. А она как-то сразу отмерла и выставила руку вперед, останавливая. И головой затрясла из стороны в сторону:

– Нет, Коля… Не подходи.

И он послушно остановился, глядя на нее глазами побитой собаки. Дети непонимающе следили за нетипичным поведением взрослых. Ни тебе поцелуев при встрече, ни вопросов о том, как прошел день… Леся сглотнула, чувствуя, как внутри там, где совсем недавно билось горячее сердце, все каменеет. Обошла мужа по дуге, поднялась на второй этаж. Достала из маленькой гардеробной большие чемоданы, сгрузила первым делом детские вещи, потом свои.

– Лесь… Ты куда? Леся…

Леся не могла с ним разговаривать. Нет, это было совсем не намеренно, не показушно. Она физически не могла! Или боялась… Боялась, что, начав говорить, уже никогда не замолчит, и наговорит сгоряча такого, что детям слышать уж точно не стоит.

– Леся… – без конца повторял Николай. – Лесь…

Под недоуменными взглядами детей женщина застегнула чемоданы, сгребла с полочки ключи от новенького джипа, который они взяли в кредит, и вышла на улицу.

– Не уходи, – отчаянно прошептал Николай.

– Мам, мы, что, в отпуск? – удивленно поинтересовался Тим.

– В отпуск, – кивнула головой Леся. – К бабушке, – зачем-то добавила она, загружая тяжеленный чемодан в большой багажник машины.

У нее еще хватило сил на то, чтобы доехать до родительского дома, на то, чтобы выслушать наставления матери, которая рекомендовала не рубить сгоряча… Она даже сумела отогнать машину и вернуть ключи изменнику. А потом из нее, как будто пар выпустили. Леся легла на кровать в своей старой комнате, закрыла глаза и, наверное, если бы не дети, никогда бы их и не открыла. Она как будто умерла.

Безрадостные дни тянулись бесконечно долго. А может, это наступившая зима была виновата? Серость и холод, грязь, которая то замерзала, то оттаивала опять, превращаясь под ногами в коричневую жижу. И постоянные разговоры за спиной. Ей перемыли кости все. Начиная от коллег, заканчивая учениками. Ее не пожалел только ленивый. Правда, была еще одна категория неравнодушных. Те, которые одобряли поведение Николая. Мол, Коля – мужик хороший, правильный, а если загулял, то, значит, был повод.

Сам Николай регулярно приходил мириться. Только Леся даже слышать его не могла. И не желала знать, как и почему так получилось. А Коля и сам не знал! Вот хоть убейте, не мог понять, как он оказался с другой. Ненастоящей, чужой… Почему? Просто доступная девка, так почему повелся? Кризис среднего возраста?! Что и кому хотел доказать? Николай не знал. Он и не помнил ни лица той… Ни самого процесса. Зато прекрасно помнил больные глаза Леси. Взгляд, который вынул его душу и вывернул наизнанку.

– Дурак ты, Николай, – сплюнул на землю Михалыч – крепкий мужичок, подрабатывающий у него в СТО. – Леська твоя красивая баба. И хозяйственная, и умная. В прошлом году, что тебе сказала? Что шуба ей не нужна, а тебе новая резина не помешает! Вот и где ты еще такую жену найдешь?!

Дурак. Он и сам знает. И места себе не находит, слоняясь вечерами по пустому дому. Еще хоть как-то можно терпеть на выходных, когда дети при нем… А в остальные дни – мрак. Он ни есть не мог без нее, ни спать. А перед лицом все время стояли ее глаза, переполненные болью. А потом они и вовсе стали равнодушными. У него холод по спине пошел от этого пустого взгляда.

– Она-то тебя хоть скалкой отходила? – с надеждой в голосе поинтересовался Михалыч.

– Да ты что, отец… Она же у меня не такая. Это же Леся…

Незаметно наступил Новый год, только на этот раз у него не было сил украшать дом и елку во дворе огнями. И настроения праздничного не было от слова «совсем». Тридцать первого вечером пришел к дому тещи. Потому что не мог по-другому! Потому что ему не давала покоя мысль, что как встретишь Новой год, так его и проведешь. А он не хотел проводить целый год без своей семьи, без своей Леси. Накупил подарков, гостинцев всяких, даже шубу злосчастную купил, на покупке которой они всегда экономили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reznik_yuliya/8-istoriy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить